

УДК 821

*И.В. Софронова, Ю.М. Артемьев, О.Г. Владимирова***ПОЭТИКА МИФОЛОГИЗМА В ПОЭМЕ Н. ИЖЕНДЕЯ «ГОЛОС НЕРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА»**

В научной статье рассматриваются мифологические образы, мотивы, детали, используемые в творчестве чувашского поэта Николая Ижендея (Петрова). Чувашская мифология выделяет представителей доброго и злого начала, которые существуют параллельно друг другу и миру людей. Основное содержание статьи составляет выявление особенностей данных образов на примере поэмы Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка». В ходе работы мы опирались на научные труды ведущих чувашских мифологов, фольклористов и литературоведов, использовали сравнительно-сопоставительный, описательный методы. В результате проведенных исследований автор статьи приходит к заключению о том, что поэт создает новый вариант мифа о происхождении *Арсури* (Лешего), применяет для этого представление народа о добром и злом началах, загробном мире, духах предков, описание обрядов, связанных с рождением ребенка. Мифологические образы и детали позволили поэту передать специфику смутного, переходного периода развития истории страны и народа. Образы и детали мифологии углубляют семантическое пространство художественного текста, придают трагизм сказанному. Смысловое значение используемых поэтом мифологических образов типично и для других авторов чувашской литературы.

Ключевые слова: поэма, мифологизм, автор, поэтика, художественный мир, образ.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1069-1076

В разные периоды развития литературы писатели и поэты активно используют поэтику мифологизма в своих произведениях для создания своеобразного художественного мира. Они рассказывают об определенном мифологическом образе, пересказывают содержание мифологического предания согласно современным жизненным условиям и идеалам, используют определенный образ или деталь в художественном произведении как символ. К примеру, поэт М. Федоров в поэме «Леший» пересказывает сюжет мифологического предания. Писательница Н. Петровская сочетает национальный и библейский мифы в повести «Черный ангел», романе «Колдунья». В. Степанов в повести «Реципиент» использует особенности древнеегипетской мифологии и чувашскую реальность. Н. Ижендей в поэме «Голос нерожденного ребенка» создает новый вариант чувашского мифа о происхождении *Арсури* (Леший). Изучением национальных особенностей мифологизма художественного произведения в настоящее время активно занимаются исследователи В.Г. Родионов [9], Е.П. Чекушкина [13; 14], И.В. Софронова [12], Е.Р. Якимова [16]. Основной целью данной научной статьи является выявление поэтических особенностей мифологических образов и деталей, используемых в поэме Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка». Актуальность исследования вызвана возрастающим интересом к проблемам взаимосвязи поэтики мифологизма и художественного творчества определенного автора в современном литературоведении.

Николай Петрович Ижендей (Петров) является своеобразным автором, который в художественном творчестве активно использует элементы мифологизма. Они характерны для произведений «Суралман ача сасси» (Голос нерожденного ребенка, 1993), «Савра кӱлӗ хӗрринче» (На берегу круглого озера, 2001), «Тӗрӗллӗ сыру тӗлӗнтермӗсем» (Чудо-вышивка, 2005). По словам автора, в поэме «Голос нерожденного ребенка» он постарался выразить тяготы и смутное состояние 90-х гг. XX в. В произведении на этом фоне также затронуты проблема судьбы чувашского языка и проблема аборт. Так как основная идея произведения сосредоточена на образе ребенка, в ней не последнее место занимает изображение обрядов, использование текстов словесности, сопровождаемые беременностью и роды. Автор через мифологические образы и детали передает идею произведения, говорит о том, что затронутая им проблема весьма острая и актуальная. Сюжет произведения заключается в том, что образ недавно зачатого ребенка начинает разговаривать со своими родителями, рассказчиком, читателем. Но тревожная и нестабильная пора 90-х гг. XX в. вынуждает родителей сделать аборт. Согласно чувашской мифологии, душа умершего не своей естественной смертью человека превращается в *арсури* (лешего).

На сегодняшний день поэма получила весьма высокую оценку в чувашском литературоведении. Г.Н. Волков [2], А. Дмитриев [3], Г.А. Ермакова [5] и другие исследователи рассматривают его художественные особенности, особое внимание уделяется ими проблеме абортов. Однако вопрос выявления значения и роли мифологизма в воплощении художественного замысла автора не был достаточно изучен.

Писатели и поэты используют элементы мифологизма для выражения своих размышлений, углубления художественного замысла произведения или же для создания новой реальности. В поэме Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка» мифологические элементы способствуют углублению затронутых в ней проблем: прерывание беременности, сохранность родного чувашского языка. В итоге получается, что само произведение интерпретируется читателем как новый миф. «Писатель стремится создать новое предание о современной жизни, но акцент у него падает не на “современную” жизнь, а на выявление определенным образом понимаемых им общечеловеческих начал» [8, с. 309].

Нужно отметить, что использование элементов мифологизма каким-либо автором не всегда является результатом его преднамеренного интереса к этой проблеме или же увлечением каким-либо литературным течением. Элементы мифа живы в чувашском мировидении. Они живут в памяти каждого представителя нации. Особенно у людей старшего поколения, представителей интеллигенции. Они впитали в себя образцы словесности с малолетства, изучали дисциплину «Чувашское устное народное творчество» в вузах. Сюжеты преданий о леших нами не забываются и благодаря бессмертной поэме «Арсури» (Леший) М. Федорова. Получается, миф и по сей день живет в активной памяти людей. Можно сказать, что миф составляет основу мировоззрения современного чуваша, тем более людей творческого склада ума. Для них «миф не является примером создания “второй реальности”, он выступает в качестве формы мировосприятия героев и автора» [1, с. 478].

В чувашском фольклоре немало преданий об Арсури. Согласно одному из них «в Арсури превращаются души людей, которые умерли неестественной смертью...» [11, с. 478]. В Арсури превращаются и души младенцев, которых родили незамужние девушки и убили их, чтобы избежать позора. Древний миф, с одной стороны, объясняет происхождение злого духа, с другой стороны, предостерегает молодых девушек от возможных ошибок, совершения греховных поступков. Н. Ижендей создает новый, современный вариант этого мифологического предания. В Арсури может превратиться не только душа убитого новорожденного ребенка, но и убитого еще до его рождения, т.е. если сделать аборт. Тем самым, поэт выражает предостережение и по поводу судьбы родного языка.

Сюжетная линия поэмы связана с преданием о происхождении Арсури, в связи с этим в повествование введены соответствующие мотивы и образы. Их традиционно можно разделить на добрые и злые. Добрые духи, образы связаны с обрядами и приметами, свидетельствующими о предстоящем рождении ребенка: *çёñе кайăк* (новая птица), *кёмёл е ылтăн кайăк* (золотая или серебряная птица), *вут кайăк* (огненная птица), *ачана пехил парасси* (благословение ребенка), *ача кёпи* (околоплодная рубашка, т. е. родиться в рубашке), *тăхăр сыпăкри асаттене асанне* (дедушка и бабушка в девятом колене). К злым относятся: *акар йытти* (пес преисподней), *шуйттан* (черт), *йытă* (собака), *хурчка* (ястреб).

Поэма начинается с упоминания о небесных светилах: солнце и луна. В чувашских мифах о луне и солнце наблюдается анималистическое мировоззрение народа. Эти небесные светила являются некими субстанциями, которые поставлены служить человечеству. «Древние чуваша воспринимали их как живые существа, наделяли человеческими качествами. В словесности солнце и луна, образуя неразрывную образную пару, олицетворяют тепло и свет. Солнце почитается как один из Верховных Богов, а луна, будучи его младшим братом, тоже является благодетелем и помощником живущих на земле людей» [15, с. 381]. В поэме «Голос нерожденного ребенка» образы солнца и луны выполняют функцию Бога. Они первыми узнают о зарождении новой души:

Пёлмесь анне те эпё пуррине,
Пёлмесь атте те эпё килнине...
Сут уйăх курчĕ: «Кёмёл кайăк пуль».
Хёвел йăл кулчĕ: «Ылтăн кайăк пуль».
[7, с. 77]

Но и отец не знает, даже мать
Пока не догадалась... Есть я все же...
Луна шепнула ласково: «Малыш».
И солнце улыбнулось: «Это ты ли?»
(Здесь и далее, кроме особо оговоренных,
использован перевод Л. Симоновой)

Светила рады появлению новой жизни на земле, продолжению рода. Также они свидетельствуют о парности в мировоззрении чувашей. Есть доброе и злое, мужское и женское начало. У каждого светила также есть свой металл: золото и серебро. Обозначенные в верхнем мире пары как бы должны повториться и в мире людей – есть отец и мать. Рождение сына составило бы пару и для второго поколения в семье. Но смутное время заставило родителей избавиться от будущего ребенка, тем самым нарушился мир в их семье, нарушилось равновесие, т. е. гармония.

Чуваши новорожденного ребенка называют *çĕнĕ кайăк* (новая птица). В зависимости от того, мальчик это или девочка уточняют: серебряная или золотая птица. Серебро ассоциируется с женским началом, а золото – с мужским. В поэме лирический герой называет себя огненной птицей, желает подчеркнуть, что его душа подобна огню. Он обещает своим огнем очистить мир людей от зла и несправедливости. Слово *кайăк* (птица) в чувашском языке имеет значение птицы, а также диких животных, на которые человек охотиться. В мифологическом представлении народа *ача* (ребенок) заменено на *кайăк* (птица), для обмана злых духов, насылающих болезни или смерть на младенцев. Для их же запугивания новорожденным детям давали в качестве имени названия животных, деревьев, птиц, рыб.

В понимании многих народов рождение ребенка в рубашке имеет символическое значение. Если с точки зрения медицины это представляет угрозу для младенца, то простой народ воспринимает данное явление как знак счастливой судьбы, удачи. К подобным атрибутам относится и пуповина ребенка. Она считается волшебным амулетом, способным помочь ребенку в трудную минуту. Не случайно старые люди старались уберечь и сохранить этот орган. Пуповина как знаковая деталь использована Я. Ухсаем в поэме «Кĕлпук мучи» (Дед Кельпук). В поэме «Голос нерожденного ребенка» пуповина это не только орган, связывающий ребенка с матерью, но и деталь, объединяющая прошлые и будущие поколения. Пока цел этот орган, ребенок будет жить, не прервется и связь между поколениями.

По старинным обычаям новорожденного ребенка после рождения купали, затем повивальная бабка или уважаемый человек семейства благословлял его. Благословление, произношение слов молитвы оберегает ребенка от болезней и напастей, злых духов. В повести М. Трубиной «Ача чухнехи» (Детство) бабушка со стороны матери благословляет новорожденную Марфу. Девочка, над которой прочитали сакральный текст, получает силы для преодоления невзгод и болезней, пробивается к знаниям. Лирический герой Н. Ижендея желает получить благословение, чтобы стать опорой для своих родителей в это нелегкое время.

Юратупа ачашлăх саккунне
Пĕрле илсе тухас-ха тĕнчене.
Ман ал-ура тĕрекленсесĕнех
Унпа тивĕстеретĕп кашнинех.
Пархатарне кăртартăр тĕнчере,
Телей кўрейтĕр пур телейсĕре.
Васкамалла ман ирĕке тухма,
Сăвапсăр саккуна ылмаштарма.
[7, с. 82]

А я хотел бы принести с собой
Закон любви и нежности... Повсюду
Пусть в этом мире чувствует любой
Земной любви живительное чудо.
Пусть тот закон сияет день и ночь
И каждого коснется благодатью,
Чтоб мог я обездоленным помочь,
С лихвой и радость, и добро раздать им.

В поэме не раз встречается образ ласточки. В чувашской мифологии он имеет доброе значение. Так как ласточка вьет гнездо вблизи хозяйственных построек, люди стараются заботиться о ней. Считается, что дом, где эта птица свила гнездо, наполнится счастьем, благополучием. У чувашей ласточка ассоциируется с трудолюбием и идеалом красоты. Не случайно новорожденным девочкам давали имя *Чёкеç* (Ласточка), *Чёкеçти* (девушка, подобная ласточке), желая, чтобы она была трудолюбива и красива как эта птица. Щebetанье ласточки отличается от пения других птиц. О человеке, который умеет складно и красиво разговаривать, говорят, что у него речь подобна щебетанию ласточки. Новорожденному давали слушать этот щебет, чтобы его речь была приятной и сладкой. Н. Ижендей использует данную деталь и в произведении «Чудо-вышивка». Здесь осиротевшего мальчика Йăвашук ласточка учит разговаривать.

В поэме «Голос нерожденного ребенка» ласточка олицетворяет чувашский язык. Мать, почувствовав зарождение новой жизни, поет песни, от которых зарождается чувашское начало в душе лирического героя. В конце сюжета его душа возвращается в родные места в образе ласточки. Поет песни родителям и сестре на чувашском языке. Но они, предавшие чувашский язык забвению, не признают его, не понимают слов его песен.

В чувашской мифологии мир злых духов весьма своеобразен и многолик. На упоминание их имен существует определенное табу, ограничение. Поэтому в повседневности мы не вспоминаем имена злых духов. В связи с этим, автор поэмы использует младших представителей злых духов: *акар йытти* (пес преисподней), *хурчка* (ястреб), *йытă* (собака). Они являются исполнителями наказов, воли главных божеств.

Акар йытти – «это злой дух, который вместе с духом смерти Эсрелем забирает души людей» [4, с. 78], – приводит объяснение языковед Н.И. Золотницкий. По велению своего верховного начальника он насылает ненастье, беду на людей, забирает их души. Имеет ужасающий и устрашающий вид. Словарь Н.И. Золотницкого напечатан в конце XIX в. Семантическое значение этого образа сохранилось и в представлении современных чувашей.

Образ собаки, используемый в тексте поэмы, близок по значению образу пса преисподней. А.К. Салмин в своем исследовании приводит развернутую характеристику значений образа собаки в чувашском понимании: «Источники отражают традиционные представления о тесной связи собаки с верховным божеством Туря; согласно легендам, при основании деревень чуваша сначала зарывали в землю собаку или волка; колдуны используют собак в качестве медиумов; пример принесения собаки в жертву при засухе, море-эпидемии; при совершении обрядов похоронно-поминального цикла юпа, сымёк, кёр сари и т.д. специально отделенную часть пищи выбрасывают (на улицу, во двор, за лабаз) собакам» [11, с. 478]. Согласно поверьям, во время проведения поминальных обрядов духи предков приходят в этот мир, усевшись на носу у собаки. Также собаки чувствуют скорую смерть в доме, предупреждают своих хозяев воем. «Собака является одним из важнейших знаковых персонажей в традиционных представлениях чувашей. Считается, что она имеет непосредственную связь с верховным божеством Туря. На семантическом уровне у собаки много общего с волком и человеком. Она может быть использована в качестве жертвенного дара, служит заменителем духов предков и входит в связь с иным миром. Возможно, этимология слова *йытӑ* «собака» восходит к санскритскому *idā*» [11, с. 479], – подытоживает свои размышления исследователь. Кроме этого, А.К. Салмин отмечает, что образ собаки используется чувашами и в негативном значении. Для подтверждения своих мыслей, он приводит цитату из работы В.Д. Сбоева: «Надобно полагать, что нарицательное имя собаки (*ида*, по-татарски *эт*) сделалось у чуваш бранным словом в позднейшее время, из-за подражания татарам; вероятно, что в древние времена это животное считалось если не священным, то по крайней мере и не презренным» [11, с. 137].

Слово *йытӑ* (собака) используется как бранное и в поэме К. Иванова «Нарспи». К примеру, жена Мигедера произносит его при обращении к непокорной дочери и Сетнеру:

Карчӑк:

Атя, *йытӑ*, хӑвӑртах,
Пёртте мана пӑхмастан.
Сетнер, *йытӑ*, кӑсӑе пит,
Пуян хӑрне ан хапсан.
[6, с. 184].

Старуха:

Да пойдём скорей, *собака!*
Нет того, чтоб слушать мать...
Знай, Сетнер, знай *пӑс бесстыжий!*
Ты – богатому не зять!
(Перевод П. Хузангая)

В поэме «Голос нерожденного ребенка» эпитет собака применяется для характеристики времени, которое описано. Инфляция, тяготы 90-х гг. определяются автором как собачье время. Пес преисподней преследует душу нерожденного ребенка после аборта. Он ходит за ним по пятам, хочет растерзать. В том, что его судьба стала несчастной, он обвиняет лихое собачье время 1990-х гг. Из-за этого ему пришлось стать *арсури*, а не родиться мальчиком.

Образ черного ястреба упоминается в тексте поэмы всего один раз. Он также связан с миром мертвых, поэтому вводится в повествование в момент изображения смерти лирического героя. Он прилетает, чтобы вырвать его душу. Поведение хищной птицы дает повод отнести его к разряду злых духов. В разговорной речи слово *хурчка* (ястреб) так же используется как бранное.

В тексте поэмы несколько раз встречается образ *хӑла юпах туха* (буланый/саврасый стригунок, жеребенок). В народной сказке «Хӑрхӑмпа Пике» (Красавица и Хырхым), братья наказывают Хырхым за подмену, за то, что она выдавала себя за их сестру, привязав ее за хвост саврасого жеребенка. Видимо, у кочевых народов такой способ наказания считался самым страшным и болезненным. В поэме «Голос нерожденного ребенка» лирический герой боится, что злые духи могут поступить с ним таким же образом.

В поэме Н. Ижендея изображены несколько параллельных миров: это реальный мир людей, мир покойников, мир злых духов. В реальном мире живут мать, отец, сестра Таня и лирический герой. В произведении даны некоторые признаки этого мира: борьба за людские права, упоминание о выборных бюллетенях, посещении сестрой Таней садика, пренебрежительное отношение к языкам и

культуре нерусских народов, задержка зарплаты рабочим, выезд чувашей за пределы республики на заработки и т.п. Автор выражает недовольство существующим политическим строем, осуждает недостатки общества. Он критикует такую черту национального характера, как терпимость. В тексте не раз проскальзывает эпитет *чăваш – йăваш* (чуваш – терпеливый). В то время, когда нужно брать бразды правления в свои руки, чуваш довольствуется малым, он остается дома и бездействует. Лирический герой предлагает отцу вспомнить об опыте торговых отношений у далеких прадедов и при помощи этого выжить в нелегкое время.

Людской мир наполнен представителями злых духов. Из-за них разгулялась инфляция, ущемляются права чувашского языка. В жизни людей проделки *шуйттана* и *акар йытти* проявляются как социальные трудности, уничтожение доброго начала, чувашского языка.

Мир предков представлен через образы прадеда и прабабушки в девятом поколении, которые не перестают оберегать своих потомков и помогать им. Они передают недавно зачатому ребенку разум, силу поколений, осуждают поведение его родителей. Они готовы оберегать младенца в людском мире после рождения. Однако им приходится заботиться о нем в мире мертвых, став липой в поле, т.е. матерью, и дубом в лесу, т.е. отцом. В данном случае проявляется тотемическое представление народа о превращении духов предков в растения, деревья. Лирический герой находит понимание и поддержку у прародителей, но нет взаимопонимания с нынешними родителями. Разрушена гармония в отношениях между поколениями, расстраивается преемственность между ними. Так, «желание иметь детей связано с желанием продолжить род. Чувашки верили в продолжение жизни на том свете, где престарелым родителям нужна помощь со стороны живых потомков. Те, кто не имеет детей, на том свете будут мучиться без поддержки и символического кормления» [10, с. 194]. Родители, убив нерожденного ребенка, лишают себя покоя на том свете. Не только душа сына, но и их собственная могут превратиться в Арсури. Виной всему является разгул сил зла в данный переходный период, когда сегодняшний день становится важнее, чем размышления о дальнейшей судьбе души в загробном мире.

Лирический герой постоянно разговаривает с родителями. В начале повествования он хочет, чтобы его заметили, чтобы они почувствовали, что он здоровый и умный малыш. Он слушает взрослых, пытается утешить их, просит, чтобы его душу не отдавали злым духам, однако его голос никто не слышит. После аборта голос нерожденного ребенка также не достигает адресата, он становится неслышимым, не осязаемым и невидимым. Далее описано представление народа о том, что происходит с душой человека после смерти: она превращается в ветер, филина, ласточку, траву, ветку, ягоду. Душа лирического героя хочет привлечь к себе внимание, обращается к родным на чувашском языке. Остается не услышанной и непонятой, так как они позабыли родной язык.

Лирический герой, не успевший познать трудности времени, идеалистически смотрит на жизнь. По его представлению, везде должны господствовать законы гармонии и любви. Он желает видеть согласие в отношениях между поколениями, людьми и народами. Но в людском мире любовь и покой существуют лишь под сердцем матери, а в остальных местах существуют только лесть, обман, унижение и т.д.:

Укça куҫасшăн
укҫалли патне.
Шырать телей те телейлисене.

Чапли мухтать хай пек чаплисене.
Вайли те ал тытать вайлисене.
Хаватсӑрри патне
хават куҫмарӑ.
Телейсӑрри патне
телей куҫмарӑ.
[7, с. 94]

Деньги ищут богатых,
к несчастным несчастные льнут.
Те, кто славой почтен,
обязательно славного хвалят,
Сильный сильному руку стремится
при встрече пожать.
А к бессильному сила однажды
прибудет едва ли,
От несчастного счастье все время
спешит убежать.

В рассуждениях лирического героя не раз упоминается образ мирового, родового дерева. Из-за жизненных тягот оно видится ему болезненным, с сухими ветками. Такое дерево больше характеризует отца, который опускает руки перед трудностями, готов погубить будущее своего рода. Рождение сына исцелило бы родовое дерево. В данном случае проявляются патриархальные представления на-

рода. Фамилия, кровь рода передаются по мужской линии. С убийством нерожденного ребенка рушится не только жизнь одной семьи, но и всего чувашского мира. Так, родители, чтобы избежать насмешек со стороны других детей в садике, намеренно отказываются от родного языка, начинают учить дочь благородному языку.

Образ нерожденного ребенка и образ родного языка в поэме идентичны. Автор выбирает трагическую развязку сюжета. Получается, что в смутное время 1990-х гг. ни новое поколение, ни родной язык становятся ненужными. Они оба, как бы, превращаются в Арсури.

Йыт кӑшланӑ телейпе
Халь сӳретӗп сӳрепе,
Хӑрушла йӑре-йӑре
Хӑратас тесе сире.
[7, с. 97].

Счастьем, съеденным псом, я сейчас,
Позабыв навсегда вашу речь,
вою-плачу, стараясь на вас
Страх и ужас ночами навлечь

Автор использует элементы мифологии и при построении композиции произведения. Так, поэма состоит из десяти частей. Для их названия поэт использует сакральные числа: первая неделя, третья неделя, девятая неделя... В каждой части, в зависимости от названия, описываются особенности, которые характеризуют изменения, рост плода в данный период: он начинает ощущать себя ребенком, начинает шевелиться, кувырывается, сосет палец... Повествование прерывается на «Двенадцатой неделе». Если в начале используются названия чисел скачкообразно: один, три и сразу семь, то после седьмого художественное время замедляется: перечисляются все числа до двенадцати. Для этих частей поэмы характерно размышление лирического героя о добре и зле, предназначении, судьбе родного языка, обстановке в стране. Здесь его монолог обращен к родителям, сестренке, поэту, предкам. Произведение завершается монологом Арсури, который вернулся к родным. Согласно представлениям чувашей, душа человека до трех лет может навещать своих родственников. Чтобы его определили в Рай нужно устраивать поминки, зажигать свечку. Особенно в день годовщины. После указанного периода она находит вечный покой, а в данном случае вечное скитание: нерожденного ребенка убили насильственно, кроме того, не поминают его душу. Если в начале повествования используются обряды, связанные с рождением ребенка, то в конце – с похоронами, представлением о загробном мире.

Таким образом, в поэме Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка» через мифологические образы, детали, описание обрядов, связанных с рождением ребенка и похоронами, сакральные числа воспроизведена действительность конца XX в. Мифологические образы и детали стали востребованными для изображения смутного, переходного периода развития истории страны и народа. В произведении образ нерожденного ребенка, духи далеких предков, образы добрых и злых духов воспринимаются как реальные, полноценные действующие лица. Они углубляют семантическое пространство художественного текста, придают трагизм сказанному. Смысловое значение используемых поэтом мифологических образов и деталей типично и для произведений других авторов чувашской литературы. Поэт рассказывает нам новую, современную версию легенды о происхождении Арсури. Своим произведением он желает объяснить, откуда произошли духи Арсури в нынешнем мире, а также предостерегает нас о возможных трагических последствиях, если мы позабудем родной язык, не будем заботиться о молодом поколении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминева В.Р. Мифологизм в прозе Ч. Айтматова и современных татарских писателей // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 45-51.
2. Волков Г.Н. Мольба о жизни: о поэме «Голос младенца, которому не дали родиться» // Советская Чувашия. 1996. 25 мая.
3. Дмитриев А. Боль и в переводе боль: о поэме «Голос нерожденного ребенка» // Народная школа. 1998. № 4. С. 77-78.
4. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: тип. Имп. ун-та, 1875. 279 с.
5. Ермакова Г.А. Надломилась древа жизни ветвь (Поэма Н. Ижендея «Голос нерожденного ребенка» как пространство представления глобальной проблемы человечества) // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические: сб. науч. ст. Чебоксары, 2015. С. 54-57.
6. Иванов К.В. Сӳрнисен пуххи. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 1990. 256 с.

7. Ишентей Н. Суралман ача сасси: поэма. Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 1993. 160 с.
8. Мелетинский Б.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
9. Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.
10. Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. С.-Пб.: Наука, 2010. 240 с.
11. Салмин А.К. Собака в традиционных представлениях чувашей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 124-128.
12. Софронова И.В. Мотивы мифа о божественном ребенке в чувашской детской литературе // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: матер. Межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8 окт. 2015 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 245-250.
13. Чекушкина Е.П. Особенности жанров чувашской прозы начала XXI века // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2018. С. 142-147.
14. Чекушкина Е.П. Паянхи чăваш прозинчи мифологизм паллисем // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики: матер. XI Междунар. симпозиума. 2018. С. 166-171.
15. Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.
16. Якимова Е.Р. Художественный мифологизм в современной чувашской драматургии // Ашмаринские чтения: сб. матер. XI Муждунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. С. 133-136.

Поступила в редакцию 08.09.2020

Софронова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры чувашской филологии и культуры
E-mail: muxtar2@yandex.ru

Артемьев Юрий Михайлович, доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и литературы
E-mail: yumartemyev@yandex.ru

Владимирова Ольга Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры чувашской филологии и культуры
E-mail: vladilgen@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»
428015, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 15

I.V. Sofronova, Yu.M. Artem'ev, O.G. Vladimirova

THE POETICS OF MYTHOLOGISM IN N. IJENDEY'S POEM "THE VOICE OF THE UNBORN CHILD"

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1069-1076

This article deals with mythological images, motifs, elements used in the works of Chuvash poet Nikolai Ijendey (Petrov). The Chuvash mythology identifies the representatives of good and evil that exist parallel to each other and to the world of people. The main content of the article is to identify characteristics of these images on the example of the poem "The Voice of the Unborn Child". In the course of our work we relied on the scientific works of leading Chuvash mythologists, folklorists and researchers; used a comparative and descriptive methods. In the result of the conducted research the authors come to the conclusion that the poet creates a new version of the myth about the origin of Арçурн (Forest Spirit, Leshy), applies in this case people's idea of good and evil principles, the afterlife, spirits of ancestors, a description of the rituals associated with the birth of a child. Mythological images and details allowed the poet to convey the specifics of the vague transitional period in the development of the country's history and people. They deepen the semantic space of a literary text, add tragedy to what is said. The meaning of mythological images used by the poet is typical for other authors of the Chuvash literature.

Keywords: poem, mythologism, author, poetics, art world, image.

REFERENCES

1. Amineva V.R. Mifologizm v proze Ch. Ajtmatova i sovremennyh tatarskih pisatelej [Mythologism in prose of Ch. Aitmatov and modern tatar writers] // Filologiya i kul'tura [Philology and culture]. 2013. № 2 (32). S. 45-51. (In Russian).
2. Volkov G.N. Mol'ba o zhizni: o poeme «Golos mladenca, kotoromu ne dali rodit'sya» [Plea for life: about the poem "The voice of the baby who was not given birth" ov] // Sovetskaya Chuvashiya [Soviet Chuvashia]. 1996. 25 maya. (In Russian).

3. Dmitriev A. Bol' i v perevode bol': o poeme «Golos nerozhdenного rebenka» [Pain and in translation pain: about the poem "The voice of an unborn child"] // Narodnaya shkola [Folk school]. 1998. № 4. S. 77-78. (In Russian).
4. Zolotnickij N.I. Kornevoj chuvashsko-russkij slovar', sravnennyj s yazykami i narechiyami raznyh narodov tyurkskogo, finskogo i drugih plemen [Root Chuvash-Russian dictionary, compared with the languages and dialects of different peoples of the Turkic, Finnish and other tribes]. Kazan': tip. Imp. un-ta, 1875. 279 s. (In Russian).
5. Ermakova G.A. Nadlomilas' dreva zhizni vetv' (Poema N. Izhendeya «Golos nerozhdenного rebenka» kak prostranstvo predstavleniya global'noj problemy chelovechestva) [The branch of the tree of life was Broken (N. Izhendey's Poem "The voice of the unborn child" as a space for representing the global problem of humanity)] // Problemy kul'tury v sovremennom obrazovanii: global'nye, nacional'nye, regional'no-etnicheskie: sbornik nauchnyh statej [Problems of culture in modern education: global, national, regional and ethnic: collection of scientific articles]. Cheboksary, 2015. S. 54-57. (In Russian).
6. Ivanov K.B. Ćymisen puhkhi [Collected works]. Shupashkar: Chăvash kĕn. izd-vi, 1990. 256 s. (In Chuvash).
7. Ishentej N. Ćuralman acha sassi: poema [The voice of the unborn child: poem]. Shupashkar: Chăvash. kĕn. izd-vi, 1993. 160 s. (In Chuvash).
8. Meletinskij B.M. Poetika mifa [Poetics of myth]. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2000. 407 s. (In Russian).
9. Rodionov V.G. Etnos. Kul'tura. Slovo [Ethnos. The culture. Word]. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2006. 552 s. (In Russian).
10. Salmin A.K. Tradicionnye obryady i verovaniya chivashej [Traditional rites and beliefs of the Chuvash]. S.-Pb.: Nauka, 2010. 240 s. (In Russian).
11. Salmin A.K. Sobaka v tradicionnyh predstavleniyah chivashej [The dog in traditional representations of the Chuvash] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archeology, Ethnography and anthropology of Eurasia]. 2011. № 1 (45). S. 124-128. (In Russian).
12. Sofronova I.V. Motivy mifa o bozhestvennom rebenke v chuvashskoj detskoj literature [Motives of the myth of the divine child in the Chuvash children's literature] // Mifologiya chivashej: istoki, evolyuciya i kul'turnye vzaimosvyazi: mater. Mezhrefion. nauch.-prakt. konf [Mythology of the Chuvash: sources, evolution and cultural relationships: Mater. Interregion. scientific-practical conf.] (Cheboksary, 8 okt. 2015 g.). Cheboksary: CHGIGN, 2016. S. 245-250. (In Russian).
13. Chekushkina E.P. Osobennosti zhanrov chuvashskoj prozy nachala XXI veka [The peculiarities of genres of Chuvash prose of the early twenty-first century] // Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii: sb. st. [Problems of Mari and comparative Philology: collection of articles]. Joshkar-Ola, 2018. S. 142-147. (In Russian).
14. Chekushkina E.P. Payanhi chăvash prozinchi mifologizm pallisem [Features of mythologism in the modern Chuvash prose] // Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala: problemy regional'nogo literaturovedeniya i fol'kloristiki: mater. XI Mezhdunar. simpoziuma [Language contacts of the Volga and Ural peoples: problems of regional literary studies and folklore studies: materials of the XI International Symposium], 2018. S. 166-171. (In Chuvash).
15. Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskij spravochnik [Chuvash mythology: ethnographic reference book]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2018. 591 s. (In Russian).
16. Yakimova E.R. Khudozhestvennyj mifologizm v sovremennoj chuvashskoj dramaturgii [Artistic mythologism in modern Chuvash drama] // Ashmarinskie chteniya: sb. mater. XI Muzhdun. nauch.-prakt. konf. [Ashmarin readings: a collection of materials of the XI International Scientific and Practical Conference]. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2019. S. 133-136. (In Russian).

Received 08.09.2020

Sofronova I.V., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Chuvash Philology and Culture
E-mail: muxtar2@yandex.ru

Artemyev Yu.M., Doctor of Philology, Professor at Department of Russian Language and Literature
E-mail: yumartemyev@yandex.ru

Vladimirova O.G., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Chuvash Philology and Culture
E-mail: vladilgen@yandex.ru

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov
Moskovskiy pr., 15, Cheboksary, Chuvash Republic, Russia, 428015